

ЮЛИЯ ЛЕНСКАЯ

САД ИСТИННЫХ ИМЕН

Книга первая

ПЕПЕЛ

Он спас мир.
Теперь миру предстоит решить,
можно ли ему доверять.

Юлия Ленская

Сад истинных имен.

Пепел. Книга первая

<https://litres.ru/74188522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он спас мир. Но мир не простил ему цену спасения.

Каэль Арден - последний верховный маг, человек, которого одни называют легендой, а другие проклинают. Семь лет он прожил в изгнании, пытаясь забыть войну и последствия собственных решений.

Но когда люди начинают терять свои истинные имена, прошлое возвращается.

Теперь Каэлю предстоит снова столкнуться с магией, которую он когда-то помог создать, и с Дарианом Вейлом - бывшим союзником, который верит: человечество станет счастливее, если избавить его от боли выбора.

Между ними оказывается Лиана - лекарка с невозможным даром сохранять человеческую сущность.

Ей предстоит решить: что страшнее - мир, полный страданий, или мир, где больше никто не может быть собой?

«Сад истинных имен» - эпическое фэнтези о магии, власти, любви и цене спасения.

Юлия Ленская

Сад истинных имен.

Пепел. Книга первая

Юлия Ленская

САД ИСТИННЫХ ИМЕН

Пролог

Каждый год в первый день осени в канцелярию Верховного Совета приходило одно и то же письмо. Без печати. Без герба. Без сопровождающего гонца.

Его всегда приносил старый почтальон из приграничной деревни, который давно перестал задавать вопросы. Конверт был запечатан темно-зеленым воском.

На лицевой стороне значилось всего три слова. Председателю Верховного Совета. Внутри лежал один-единственный лист.

На нем — несколько строк, написанных аккуратным ровным почерком. Прошу продлить мое изгнание еще на один год.

Я по-прежнему считаю, что мое возвращение принесет людям больше боли, чем пользы. К. Арден. Ни оправданий. Ни просьб о прощении. Ни попыток объяснить прошлое. Только эти три строки. Каждый год. На протяжении семи лет.

Председатель Совета складывал письмо пополам. Убирал его в верхний ящик стола. И никогда не отвечал. Не потому, что не хотел.

Потому что не существовало ответа, который мог бы изменить хоть что-нибудь. В то утро дождь шел с самого рассвета.

Небо было таким низким, что казалось — стоит подняться на крепостную стену, и ладонь коснется тяжелых серых облаков. В кабинете пахло мокрой бумагой и воском. Председатель долго смотрел на подпись. Потом негромко сказал: — Семь лет...

За окном строители поднимали новую крышу западного крыла дворца. Молотки стучали мерно. Спокойно. Этот звук давно стал музыкой нового времени. Не боевые барабаны. Не звон мечей. А удары молотков. Королевство училось жить заново.

Но имя внизу письма продолжало заставлять людей говорить шепотом. Каэль Арден. Последний Верховный маг. Полководец. Человек, уничтоживший собственную империю.

И человек, который сам попросил отправить себя в изгнание после окончания войны. Дверь открылась. В кабинет вошел Архивариус.

Высокий старик в темно-синей мантии, пахнувшей старой кожей, дождем и библиотечной пылью. Он никогда не спешил.

Даже время, казалось, замедляло шаг рядом с ним.

— Пришло?

Председатель молча протянул письмо. Архивариус прочитал его. И так же молча вернул обратно.

— Он снова просит продлить изгнание.

— Да.

— А ты?

Председатель устало потер переносицу.

— Я снова не знаю, что правильно.

Архивариус подошел к окну. Несколько мгновений наблюдал за рабочими.

Один из молодых плотников помогал пожилому мастеру поднять тяжелую балку. Без приказа. Без просьбы. Просто потому, что увидел, как тому тяжело. Старик едва заметно улыбнулся.

— Видишь?

— Что?

— Семь лет назад люди строили стены.

Теперь они строят дома. Председатель ответил после короткой паузы. Потом спросил:

— Ты считаешь, что его можно вернуть?

Архивариус ответил после короткой паузы. Он редко отвечал на вопрос прямо.

— Скажи мне...

Что страшнее? Человек, который однажды разрушил мир?

Или человек, который до конца жизни убежден, что больше не имеет права сделать для него ничего хорошего? Председатель не нашелся с ответом.

За тысячи миль от столицы, среди туманных холмов, человек в темном плаще рубил дрова. Удар. Еще удар. Еще.

Движения были настолько точными, будто он занимался этим всю жизнь.

Хотя когда-то эти руки держали меч, изменивший ход истории.

Поленья складывались в ровную поленницу возле небольшого дома. Сам дом стоял на краю леса. Старый. Деревянный. С единственным окном, выходившим на долину. Здесь не было ни слуг. Ни солдат. Ни почестей. Только тишина. И работа. Человек остановился. Оперся ладонями о рукоять топора. Поднял голову. Ветер принес запах дождя. И едва уловимый аромат цветущего вереска. Он всегда появлялся перед осенью. Каждый год. Каэль закрыл глаза. Прошло семь лет.

Но иногда ему казалось, что война закончилась только вчера. Потому что каждую ночь он снова видел огонь.

И каждое утро просыпался с мыслью, что должен прожить еще один день так, чтобы хотя бы немного уменьшить зло, которое однажды принес в этот мир.

Он еще не знал, что письмо уже было в пути — и что вместе с ним в его жизнь вернется прошлое.

И что в далеком городе молодая лекарка по имени Лиана

именно в этот момент выходит в свой сад, чтобы, как каждое утро, поздороваться со старым дубом.

Так, почти незаметно, судьба начала сводить две жизни, которые изменяют не только друг друга, но и весь мир. Конец пролога

Но письмо уже было отправлено. И человек, который семь лет просил оставить его в прошлом, должен был вернуться туда, где прошлое ждало его.

Глава первая

Письмо пришло на девятый день после первого осеннего дождя.

К тому времени дорога через северные холмы размокла настолько, что даже редкие путники предпочитали крюк через старый лесной тракт — на полдня дольше, зато без риска утопить лошадь по бабки в глине. Каэль знал эту дорогу лучше, чем знал бы её лесник: за семь лет он выучил, в какую погоду по ней вообще кто-то ездит, а в какую — только глупцы и те, кому очень нужно. Поэтому стука копыт он не слышал заранее, как слышал бы в любой другой месяц. Всадник появился у ограды почти неслышно, будто сам туман донёс его до дома, а не старая размытая колея.

Утро выдалось из тех, что тянутся медленно, будто нехотя. Низкий туман цеплялся за верхушки вереска, оседал в

ложбинах, укрывал склон настолько плотно, что маленькая долина превращалась в остров посреди молочного, неподвижного моря — Каэль любил это утреннее одиночество больше, чем готов был себе признаться. В печи ровно потрескивали поленья. На столе остывал завтрак, к которому он так и не притронулся: ломоть чёрного хлеба, чашка травяного отвара, который он заваривал каждое утро вот уже семь лет подряд, так и не научившись за это время отличать один сушёный лист от другого — какая-то часть его находила в этом упрямом невежестве что-то вроде покоя. Он сидел у окна, неспешно продевая шило сквозь старую кожу упряжи, и работа эта не требовала мыслей, что и было, по правде говоря, единственной причиной, по которой он ею занимался в это утро, а не в любое другое.

Мысли всё равно возвращались туда, куда возвращались уже семь лет подряд каждую осень: к письму, отправленному в Совет. Он писал одно и то же — год за годом, слово в слово, будто менять формулировку значило бы менять и суть просьбы. Семь лет тишины в ответ. Он давно перестал ждать иного и, честно говоря, предпочитал именно эту тишину любому ответу: в ней не было ни прощения, ни требования вернуться — только пустота, в которой можно было продолжать жить так, как он для себя решил однажды. Вдали от людей. Не рассчитывая ни на благодарность, ни на новую жизнь, ни даже на то, что кто-то там, в столице, вообще ещё помнит его имя иначе как проклятие, которое удобно поми-

нать шёпотом.

Стук в дверь прозвучал как выстрел — и застал его врасплох настолько, что шило замерло между слоями кожи, а рука сама собой напряглась.

Три коротких удара. Пауза, достаточно долгая, чтобы он успел подумать, что ослышался. Потом ещё один, увереннее прежних.

Так когда-то стучали военные гонцы — среди ночи, с приказами, которые не терпели отлагательств, — и тело вспомнило этот ритм раньше, чем разум успел напомнить себе, что война закончилась семь лет назад и стучать в дверь могут разве что торговцы да редкие соседи. Пальцы разжались сами. Стул отодвинулся бесшумно, будто по привычке, которую Каэль давно считал забытой. Он оказался у стены — не у двери, у стены, откуда были видны и дверь, и окно, — и только потом заметил, что левая рука уже потянулась к поясу, туда, где давным-давно не было меча.

За порогом кто-то откашлялся. Не тихо, не выжидающе — по-настоящему устало, с той хрипотцой, что бывает у человека, проведшего в седле не один час под дождём.

— Господин Арден? — голос был молодой, чуть надтреснутый то ли от холода, то ли от волнения. — У меня письмо из столицы.

Каэль не ответил сразу. Он позволил себе одну долгую секунду — послушать, как колотится сердце, дать ему успокоиться, прежде чем открывать рот. Он ненавидел эти мгно-

вения больше, чем готов был признать: когда тело помнит войну лучше, чем разум успел её забыть, и превращает человека, чинящего упряжь в тихое осеннее утро, в существо, готовое выжить в засаде — но неспособное просто, по-человечески, спокойно открыть собственную дверь.

— Оставьте на крыльце, — сказал он наконец.

— Мне... — гонец за дверью, кажется, замялся, будто это была не та реплика, которую он готовил. — Мне велено передать лично. Простите.

— Кем велено?

— Верховным Советом. — Пауза. — Ну то есть... письмо от Совета. Мне велели передать в руки.

Каэль прикрыл глаза. Разумеется. Он сам писал им семь лет подряд — глупо было теперь делать вид, будто ответ его не касается, будто можно спрятаться от собственной просьбы за дверью, которую сам когда-то выбрал. Он отодвинул тяжёлый засов — медленнее, чем следовало бы для человека, который просто открывает дверь, но руки будто сами тянули время.

На крыльце стоял юноша лет двадцати — насквозь промокший, покрытый дорожной грязью до самых бёдер, совершенно, до нелепости, не похожий на человека, которому доверили решить судьбу бывшего Верховного мага. Светлые волосы прилипли ко лбу. На щеке темнела свежая царапина — то ли от ветки, то ли от чего похуже. Он держал повод гнедой кобылы, тяжело переступавшей с ноги на ногу, и ста-

рался — видно было, что старается, — не смотреть на Каэля слишком пристально.

Не получалось.

Так смотрят люди, всю жизнь слышавшие легенду и вдруг обнаружившие, что чудовище носит обычную рубаху, колет дрова у обычного дома и вообще-то моложе, чем на всех портретах в столичных тавернах.

— Вы... — юноша сглотнул, будто слово застряло в горле.

— Вы Каэль Арден?

— Да.

Гонец кивнул сам себе, как будто проверял ответ на слух, потом полез под плащ, долго возился с завязками — пальцы у него, кажется, уже плохо слушались от холода, — и наконец вытащил плотный конверт с зелёной печатью Совета. Следом — деревянную дощечку с закреплённым листом.

— Распишитесь, пожалуйста.

Каэль посмотрел на дощечку так, словно ему предложили расписаться в собственном приговоре.

— Вы серьёзно?

— Порядок такой. — Юноша покраснел, но дощечку не убрал, только переступил с ноги на ногу под морозящим дождём. — Мне за это... в общем, спросят, если не распишетесь.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга — один мокрый, замёрзший и полный решимости выполнить поручение, другой не двигался, будто расписаться значило

признать что-то большее, чем получение письма.

Потом Каэль взял протянутый угольный стержень и поставил подпись — не тем росчерком, каким когда-то скреплял указы и приговоры, не титулом, который заставлял целые залы замолкать, а просто именем. Обычным, коротким, ничего не значащим для постороннего глаза.

Юноша выдохнул — заметно, с облегчением, будто ожидал чего-то худшего, чем росчерк на дощечке.

— Благодарю.

Он уже развернулся, чтобы уйти обратно под дождь, но Каэль, глядя на его насквозь промокший плащ и на кобылу, тяжело переступавшую передними ногами, окликнул:

— Пойдите.

Гонец замер.

— До ближайшего постоялого двора четыре часа пути, — сказал Каэль. — В такую погоду вы не доедете засветло.

— Я справлюсь, — юноша расправил плечи с тем упрямством, что свойственно людям, которым велели не подводить.

— Дело не в храбрости. У вашей лошади повреждена подкова.

Юноша быстро, тревожно взглянул на переднее копыто кобылы, будто мог что-то там разглядеть сквозь грязь и морось.

— Откуда вы...

— Слышал, как она ступает, когда вы подъезжали. Левая

передняя, чуть за секунду до правой, — Каэль кивнул в сторону сарая. — Там сухо. И найдётся, чем поужинать — и вам, и ей.

Гонец колебался. В его лице боролись сразу несколько вещей — усталость, явное желание согреться, и что-то ещё, тщательно скрываемое, что Каэль слишком хорошо узнавал: страх, который вежливость не даёт показать прямо. Он видел это выражение у солдат много лет назад, у тех, кого вызывали в палатку полководца — и не знали, зачем.

— Я не причиню вам вреда, — сказал он тихо, без нажима.

— Я не думал... — начал юноша и тут же осёкся, покраснев ещё сильнее.

— Думали. — Каэль отступил от двери, освобождая проход. — И были бы глупцом, если бы не думали. Заходите. Здесь теплее, чем снаружи, и это единственное, что я могу гарантировать.

После долгой, неловкой паузы юноша наконец кивнул и повёл лошадь к сараю.

Письмо пролежало на столе почти час — Каэль специально не спешил. Завёл кобылу в сухое стойло, снял повреждённую подкову, дал промокшему гостю сухую рубаху, которая оказалась ему велика в плечах. Юноша, назвавшийся Иларом, устроился у огня, грелся, всё ещё украдкой поглядывая на хозяина дома, и, убедившись, что его не собираются ни допрашивать, ни, тем более, убивать, съел одну тарелку похлёбки, потом, после неуверенного «можно ещё?», вторую

— с той жадностью, что выдаёт долгий голодный путь лучше любых слов.

Всё это время зелёный конверт лежал на тёмном дереве стола нетронутым. Печать казалась на нём слишком яркой — как свежая рана, которую не хочется трогать, но и не смотреть на неё тоже не получается.

— Вы не откроете? — не выдержал наконец Илар, оставив пустую тарелку.

— Обычно люди открывают письма сразу, — заметил он, помолчав, будто размышляя вслух, а не отвечая гонцу.

— Обычно люди не просят продлить собственное изгнание семь лет подряд, — сказал Илар и тут же осёкся, явно пожалев о сказанном.

Каэль поднял на него взгляд — не сердито, скорее с лёгким, почти усталым любопытством.

— Простите, — быстро добавил юноша. — Я не должен был...

— За что вы извиняетесь? За правду?

Илар опустил глаза в кружку. Конечно, он слышал — в столице секреты, судя по всему, не живут дольше нескольких часов, даже такие, о которых знать не полагается простому гонцу.

— Вопросы редко требуют извинений, — сказал наконец Каэль, и в этом было что-то вроде разрешения. Он провёл пальцем по краю конверта, будто оттягивая момент, а затем сломал печать одним движением.

Внутри лежало два листа. Первый — официальный, сухим языком канцелярии, с печатями и подписями внизу: прошение отклонено. Каэль перечитал это слово дважды, будто оно могло сменить значение от повторного взгляда. Не отложено. Не рассмотрено повторно. Именно отклонено — окончательно, без права переспросить.

Второй лист был исписан узнаваемым, почти каллиграфическим почерком человека, который явно писал это письмо не в спешке, а тщательно подбирая каждое слово.

Каэль. Семь лет назад твоё изгнание было наказанием. Последние шесть лет оно остаётся твоим собственным выбором — и Совет больше не намерен помогать тебе превращать вину в убежище. Столица восстанавливается. Людям нужны не твои страдания, а твои знания. Возвращайся.

На западной границе обнаружены следы магии Имён. Один человек уже погиб. Ещё трое потеряли память о собственных семьях.

Если не приедешь добровольно — я сам отправлюсь за тобой, и поверь, в моём возрасте путешествия делают человека крайне раздражительным.

Э.

В комнате вдруг стало слишком тихо. Треск огня, ровный шорох дождя по крыше, дыхание Илара напротив — всё это отдалилось, будто он слушал происходящее через толстое стекло.

— Что случилось? — осторожно спросил гонец, подавшись вперёд.

Каэль встал так резко, что стул качнулся и едва не опрокинулся.

— Когда появились первые случаи? Вы знаете?

— Я... не знаю точно, — Илар поднял взгляд, и что-то в лице Каэля, судя по всему, испугало его сильнее, чем сам вопрос. — Я слышал только слухи, пока ехал через столицу.

— Вы были в столице? — Каэль резко повернулся к нему.

— Проездом. Два дня назад.

— Что говорят люди?

Юноша замялся, будто выбирая, какую часть слухов повторить, а какую придержать.

— Говорят, на западе нашли деревню... там жители перестали узнавать друг друга.

Холод, пришедший не снаружи, медленно прополз по спине.

— Все жители?

— Не знаю. Говорят по-разному — в одной таверне одно, в другой другое. Кто-то говорил, что несколько человек забыли собственные имена. Кто-то — что один мужчина вернулся домой и решил, будто жена ему незнакома. Кто-то — что дети зовут родителей чужими людьми и прячутся от них по чуланам.

Каждое слово укладывалось внутри Каэля тяжелее предыдущего, и он позволил себе на мгновение просто стоять и

слушать этот груз, прежде чем ответить хоть что-то.

Магия Имён считалась утраченной. Не запрещённой — запрещать можно то, что кто-то ещё способен применить. Не забытой — забывают то, чему можно найти замену. Именно утраченной: исчезнувшей вместе с той горсткой людей, которые умели касаться не памяти человека, а самой основы его личности — того сплетения из памяти, воли, страха, любви и сделанных когда-то выборов, что и складывалось в истинное имя, в то, что позволяет человеку оставаться собой, а не подменённым, вежливым подобием себя. Повредить это значило не заставить забыть — значило вырвать привязанность с корнем, стереть вину, подменить любовь чем-то похожим на любовь, но пустым внутри. Заставить чужую душу принять другую историю как собственную, не заметив подмены.

Каэль знал троих людей, способных на такое. Двое были мертвы — он лично проследил за этим. Третий...

Он отвернулся к окну, не договорив мысль даже про себя. За стеклом лежала спокойная долина. Дом. Поленица. Огород, которым он гордился, кажется, больше, чем когда-то гордился целой армией. Семь лет жизни, сведённой к простым, безопасным действиям, которые никого не могли ранить. Уехать значило потерять эту с трудом выстроенную безопасность — не только его собственную, но и ту, в которую он превратил каждого, кто жил рядом с этой долиной все эти годы. Остаться значило позволить кому-то безнаказанно применять силу, которую он сам, много лет назад, по-

мог вытащить обратно из забвения, будучи уверен, что делает это ради общего блага.

— Вам приказано привезти мой ответ? — спросил он наконец, не оборачиваясь.

— Нет, — Илар покачал головой, хотя Каэль этого не видел. — Только передать письмо. Мне не сказали ждать ответа.

— Хорошо.

Он сложил оба листа вдвое, потом ещё раз, и убрал во внутренний карман рубахи, будто хотел, чтобы бумага была ближе к телу, чем к столу.

— Отдыхайте сегодня. После полудня дождь должен ослабеть.

— А вы? — тихо спросил Илар, глядя ему в спину. — Вы вернётесь?

Вопрос прозвучал слишком прямо для гонца, доставившего простое письмо — слишком личный, слишком близкий, чтобы его можно было списать на праздное любопытство. Каэль мог не отвечать вовсе. Мог напомнить юноше, что решения бывшего Верховного мага его не касаются, и на этом закончить разговор. Но, обернувшись, он не увидел в глазах Илара ни любопытства, ни азарта человека, который потом расскажет эту историю в таверне. Только тревогу — настоящую, слишком личную для чужой судьбы, чтобы быть простым любопытством.

— Не знаю, — ответил он честно, впервые за весь разго-

вор не пряча неуверенность за короткой фразой.

До самого вечера Каэль пытался убедить себя, что решение можно отложить хотя бы на день. Он неспешно, будто нарочно растягивая каждое движение, починил упряжь — хотя мог бы закончить это ещё утром за четверть часа. Поставил новую подкову. Нарубил дров больше, чем требовалось на целую неделю вперёд, хотя прекрасно понимал, зачем на самом деле это делает. Перебрал зимние запасы в погребе, хотя пересчитывал их всего два дня назад. Снял с крыши сломанную ветром ветку, которая провисела там, никому не мешая, уже добрых две недели.

Любая работа была лучше размышлений — но письмо жгло грудь через ткань рубахи весь этот долгий, тягучий день, и к сумеркам он перестал притворяться перед самим собой, что не думает о нём каждую минуту.

Когда-то он считал магию Имён оружием, способным закончить войну без новых смертей. Он ошибся так, что эта ошибка стоила ему собственного имени и половины королевства впридачу — и семи лет добровольной тишины, которую он сам себе назначил как единственно возможное наказание. Некоторые ошибки не возвращаются воспоминаниями по ночам. Они возвращаются последствиями — спустя годы, на чужой западной границе, в деревне, название которой он даже ещё не знал, где дети, если верить слухам из третьих уст, теперь боятся собственных родителей.

Перед самой дорогой, уже стоя у ограды с полной сумкой

еды в руках, Илар долго мялся, будто хотел сказать что-то и не решался. Наконец произнёс, глядя не на Каэля, а куда-то в сторону тумана:

— Мой брат живёт в Лерине. Западнее столицы.

Каэль замер с сумкой на весу.

— Давно получали от него вести?

— Три недели назад. — Илар поправил ремень, хотя тот и так сидел ровно. — Он учитель. У него жена и две дочки, младшей в этом году исполнилось пять.

Теперь стало понятно, почему юноша весь этот день так внимательно, будто украдкой, следил за его лицом. Не легенда. Не любопытство. Он хотел понять — хотя бы по выражению лица, — вернётся ли туда, на запад, человек, способный что-то изменить для его семьи.

— Как зовут вашего брата?

— Орен.

— Я запомню, — сказал Каэль, и почему-то это простое обещание далось ему тяжелее, чем любые слова из письма Архивариуса.

Илар сел в седло. У самой ограды придержал лошадь и обернулся.

— Господин Арден. В столице о вас говорят... разное. Не всегда доброе.

— Не сомневаюсь.

— Но Архивариус сказал одному писарю, а тот сказал мне... что вы приедете. Он был уверен.

— Он часто ошибается, — сухо заметил Каэль.

— Говорят, никогда.

— Значит, это он сам такие слухи и распускает — из ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.